

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора филологических наук (10.02.19 – Теория языка), доцента, профессора
департамента лингвистики факультета международных отношений
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
Каменского Михаила Васильевича о диссертации Ильиной Ларисы
Евгеньевны на тему «Диахроническая семантика постфольклорного текста»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика (Майкоп, 2025 г., 403 с.)

Диссертационная работа Л. Е. Ильиной выполнена в русле современной антропоцентрической парадигмы лингвистической науки и является оригинальным комплексным научным изысканием, направленным на разработку новой концепции интерпретативно-сопоставительного представления диахронической семантики постфольклорного текста. Заявленная проблематика исследования в полной мере закономерна, поскольку процессы рассеивания смысла постфольклорного текста и связанные с ним языковые механизмы деконструкции и реконструкции традиционных смыслов, а также их кодирования и декодирования остаются малоизученной областью научного знания, системно выдержанное исследование которой, несомненно, будет способствовать качественно новому осмыслению и разработке новых моделей анализа и преодоления рассеивания смысла как результата семантических, стилистических и культурных потерь под влиянием локусно-темпоральных факторов.

Таким образом, **актуальность** рецензируемого научного труда не вызывает сомнения и объясняется насущной потребностью в научной систематизации, алгоритмизации и моделировании методов и приемов исследовательского поиска в области диахронической семантики постфольклорных текстов. Это, в свою очередь, объясняется значительным разнообразием постфольклорных текстов, новые форматы которых сформировались и продолжают активно формироваться в эпоху постмодернизма при активном влиянии новых, прежде всего, цифровых форм самовыражения. В сложившихся условиях несомненно наличие противоречия между «взрывным» ростом количества жанров постфольклорных текстов и недостаточной степенью разработанности проблемы их изучения в контексте процессов порождения, интерпретации и реконструкции семантического наполнения.

В структурно-содержательном отношении диссертация имеет классическую структуру и состоит из Введения, пяти глав, сопровождаемых выводами, Заключения, списка использованной литературы в количестве 494 наименований научной, справочной, лексикографической и архивной информации на русском и иностранных языках, а также Приложения. Общий объем диссертации составляет 403 с.

Рецензируемая диссертационная работа обладает рядом несомненных достоинств. Наиболее значимыми результатами исследования, полученными

лично автором и позволяющими охарактеризовать **научную новизну** полученных результатов, совокупность которых может быть оценена как значительный вклад в лингвистическую науку, могут быть признаны следующие:

1. Предложено авторское определение постфольклорного текста, уточнено и существенно расширено понимание такого текста как особой семантической системы, поддающейся множественным интерпретациям.

2. Разработана новая классификация постфольклорных текстов с учетом современных, в том числе цифровых форм их существования, принимающая во внимание лингвистические, социальные и культурные факторы, характеризующие автора постфольклорного текста. Существенно расширено представление о жанровом разнообразии постфольклорных текстов на современном этапе их существования.

3. Создана новая интегративная концепция интерпретативно-сопоставительного представления диахронической семантики постфольклорного текста, учитывающая семантические процессы рассеивания смысла и характер семантических, стилистических и культурных потерь.

4. Дефинирован, обоснован и введен в научный оборот хронотопный перевод как новый подход к интерпретации и переводу постфольклорного текста, характеризующийся универсальной применимостью как в пределах одного языка, так и в рамках произвольных языковых пар. Предложены пути преодоления смысловых потерь в процессе хронотопного перевода.

5. Предложена авторская динамическая модель хронотопного перевода, а также алгоритмические процедуры проведения такого перевода как в монологической реализации, так и в рамках произвольных языковых пар.

6. Авторская методика анализа и хронотопного перевода постфольклорных текстов апробирована и верифицирована на обширном многоязычном корпусном материале с привлечением психолингвистического эксперимента на основе анкетирования.

Теоретическая значимость диссертации определяется ее существенным вкладом в ряд антропоцентрических направлений современной лингвистики, а именно, в лингвистическую семантику, семиотику, лингвистику текста и лингвистику дискурса, лингвокультурологию, когнитивную лингвистику, психолингвистику, прагмалингвистику, транслатологию. Существенный интерес представляют научно-теоретические изыскания диссертанта в части разработки новых методов лингвистического анализа и перевода постфольклорных текстов, а также моделирования и алгоритмизации процесса хронотопного перевода постфольклорных текстов. Предложенная диссертантом динамическая модель хронотопного перевода постфольклорных текстов расширяет научно-теоретическое понимание процессов, связанных с деконструкцией и реконструкцией смыслов текстов со сложным лингвокультурным содержанием, интерпретация которого детерминирована локусно-темпоральными факторами.

Практическая значимость полученных результатов связана с применимостью полученных автором корпусных данных, результатов и выводов в

качестве основания для разработки автоматизированных систем дискурсивной и жанровой классификации постфольклорных текстов и их структурно-семантического анализа; в качестве материала при разработке учебников, учебных и учебно-методических пособий по теории языка, лингвистической семантике, лингвокультурологии, прагмалингвистике, теории и практике перевода; в качестве отправной точки для дальнейших научных изысканий различного уровня и статуса, связанных с анализом семантического и семиотического пространства постфольклорных текстов в их широком жанровом разнообразии.

Достоверность полученных автором результатов определяется: 1) доказанностью и непротиворечивостью исходных положений и концепций, принятых диссертантом в качестве отправной точки; 2) энциклопедическим характером диссертации, теоретико-методологическая база которой включает как классические, так и современные научные труды в области философии языка, лингвоаксиологии, лингвистики текста, диахронической семантики, прагмалингвистики, деконструкции и рассеивания смысла текста, теории речевых актов, теории перевода, психолингвистики, когнитивной лингвистики, социолингвистики и ряда других направлений современной лингвистической науки; 3) репрезентативностью эмпирического материала исследования, представленного корпусным массивом из 1200 постфольклорных текстов, а также материалами психолингвистического эксперимента, полученного методом анкетирования; 4) воспроизводимостью и верифицируемостью результатов исследования, алгоритмические процедуры получения которых подробно изложены автором и детализированы на конкретных примерах.

Содержание диссертационной работы в полной мере **соответствует заявленному паспорту научной специальности 5.9.8.** Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика, а именно, следующим его пунктам: 2. Направления современного языкознания и используемые в них методы описания языков. Терминологический аппарат лингвистики. Лингвистические модели. Метаязык современной лингвистики; 7. Социальная вариативность языка. Исследование языковых ситуаций и языковых явлений методами социолингвистики; 8. Язык в контексте культуры. Исследование языка с использованием методов культурологии, этнологии и антропологии; 9. Лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка. Лингвистика дискурса и лингвистика текста; 11. Исследование языка как системы знаков. Языковая форма, семантика и прагматика языка. Семиотические аспекты коммуникации. Исследование поликодовых текстов; 19. Исследования диахронической эволюции языков. Диахронические аспекты фонологии, морфологии и синтаксиса. Этимология. Диахроническая семантика; 20. Лингвистическое переводоведение и его основные направления. Языковые и экстралингвистические аспекты перевода. Формы, виды и методы перевода. История перевода и переводческой мысли; 23. Корпусная лингвистика.

Апробация полученных результатов представляется в полной мере достаточной для работы заявленного статуса. 46 опубликованных автором

научных работ, в том числе 16 статей в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, 3 монографии, 1 публикация в издании, индексируемом МБД Web of Science, дают комплексное представление о проведенном научном исследовании, свидетельствуют о широкой географии обсуждения предпринятой исследовательской работы в научном сообществе.

В силу вышесказанного считаем, что серьезность и добросовестность предпринятой диссертантом научной работы позволяет говорить о достижении новых результатов и о получении выводов, приближающих нас к решению сложных и новых в своей постановке вопросов диахронической семантики, касающихся динамичного, активно меняющегося в эпоху постмодернизма и развивающегося по форме и по содержанию феномена постфольклора. Научный труд Л. Е. Ильиной можно признать **самостоятельным, завершенным, состоявшимся исследованием.**

Несмотря на отмеченные достоинства рецензируемой диссертации, при прочтении текста работы возникает ряд **замечаний и вопросов к соискателю**, вызванных, прежде всего, многоаспектностью предпринятого исследования и многомерностью авторских теоретических построений.

Вопросы, адресуемые нами диссертанту с целью конкретизации отдельных положений исследования в ходе защиты, следующие:

1. Представляется, что предпринятые диссертантом научные изыскания в определенной степени близки концепции прагматической адаптации текста, предложенной В. Н. Комиссаровым и направленной на адаптацию текста при его переводе с целью достижения определенного перлокутивного эффекта со стороны адресанта при сохранении эмоционального воздействия и ориентации на конкретную коммуникативную ситуацию. В связи с этим возникает вопрос: изучалась ли диссертантом применимость данной концепции к переводческой адаптации постфольклорных текстов при их межъязыковом переводе? Возможно ли и целесообразно ли рассмотрение вопроса об интеграции элементов данной концепции в предлагаемую автором модель исследования диахронической семантики постфольклорных текстов в ходе дальнейшей научной работы по данной исследовательской траектории?

2. Считаем, что требует определенного пояснения рассмотрение поведенческих практик в качестве компонента постфольклорного текста (четвертое положение, выносимое на защиту на с. 16). Поскольку, по мнению диссертанта, сами поведенческие практики, относимые к нематериальным артефактам (с. 92), имеют текстовую природу, считаем целесообразным предложить автору научного труда четко дефинировать в процессе защиты параметры отнесения данных практик именно к компонентам текста. Также целесообразно уточнить, к какой форме существования постфольклорных текстов будут относиться подобные артефакты в случае, если они не имеют традиционного языкового воплощения в текстовой форме (с. 99).

3. При проведении исследования автор исходит из предположения о том, что инвективная лексика характеризуется стабильностью и однозначностью, в силу

чего рассеивание смысла данных лексических единиц минимально (с. 11), и далее соглашается с позицией В. И. Желвиса в том, что данная лексика «известна всем носителям определенной лингвокультурной традиции» (с. 84), отмечает универсальность и доступность инвективной лексики (с. 224). Вместе с тем, в качестве одной из проблемных областей, требующих разрешения, диссертант выделяет противоречие между многочисленностью инвективной лексики в постфольклорных текстах и «неосведомленностью носителей языка о заложенных в ней смыслах» (с. 14). Требуется пояснения, почему диссертант говорит о неосведомленности носителей языка о смысловом наполнении инвективной лексики, одновременно признавая, что для носителя языка и культуры такая лексика должна быть известной и однозначно понятной.

4. Действительно ли является оптимальным принятое за основу определение инвективной лексики по Н. С. Валгиной как совокупности слов и выражений, содержащих «интенцию адресанта унизить, оскорбить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемые намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме» (с. 83)? Согласен ли автор с тем, что в постфольклорных текстах инвективная лексика всегда носит конфликтогенный характер и направлена на целенаправленное оскорбление индивидуального или коллективного адресата постфольклорного текста, либо же можно говорить о частичной десемантизации и дефразеологизации таких лексических образований, и, как следствие, о выполнении ими иных дискурсивных функций, не связанных с интенцией прямого оскорбления?

5. На с. 244-245 диссертант указывает, что в разработанной динамической модели хронотопного перевода постфольклорного текста в качестве третьей оси приняты три вектора — *возраст, язык и культура*, при этом собственно название данной оси, в отличие от первых двух (*пространство и время*), автором не приводится. В связи с этим возникает вопрос: могут ли три разнонаправленных вектора, не являющихся рядоположенными по отношению к локусно-темпоральному пространству, образуемому осями «пространство» и «время», в совокупности составлять третью ось некоторой координатной системы, и каким тогда должно быть название данной оси координат? Возможно, целесообразнее было бы говорить о двухуровневой модели, в которой на двумерное пространство, описывающее локусно-темпоральные характеристики постфольклорного текста, накладывается трехмерное пространство, характеризующее прочтение данного текста конкретным индивидом с рядом характеризующих его лингвосоциокультурных факторов (язык, возраст, культура)? Считаю, что работа только выиграла бы от дополнительной систематизации в части предлагаемой автором модели хронотопного перевода, четкую структуру которой целесообразно было бы также отразить в выводах по главе 5 и в заключении диссертации.

6. Определенного пояснения требует применение термина *динамическая* к авторской модели хронотопного перевода, поскольку эксплицитно данная формулировка в тексте работы автором не дефинируется и может относиться, как

представляется, к разным аспектам моделируемого конструкта (например, к динамике процессов рассеивания смысла и преодоления такого рассеивания; к процессу хронотопного перевода как динамике перехода от исходного текста к целевому; к динамике изменения восприятия семантики постфольклорного текста при каждом новом прочтении в новых пространственно-временных условиях и т. п.)

7. На с. 204 диссертации отмечено, что при проведении психолингвистического эксперимента отдельные инвективы в опросных листах были заменены на группу символов. Несмотря на то, что такой подход повышает лингвоэкологичность текста в предъявляемых опросных листах, не вносит ли это, по мнению соискателя, определенную погрешность в результаты анкетирования, ведь отдельные конструкты могут быть восприняты и поняты анкетирруемыми по-разному в случае подстановки различных инвективов? Так, например, фраза «*совсем все !\$ e!\$**» на с. 205 может подразумевать, в зависимости от конкретного лексического наполнения, разные прочтения со смыслами «совсем все *сошли с ума (тронулись, рехнулись)*», «совсем все *обалдели*», «совсем все *глупые*», «совсем все *плохие люди*», «совсем все *никчемные люди*», «*какого чёрта / дьявола?*» и др.

Что касается критических соображений по рецензируемой диссертации, они могут быть резюмированы следующим образом:

1. Избыточным и тавтологичным считаем выделение *семантических* лексико-*семантических* вариантов слова в классификации на с. 178. Если классификационным основанием в целом уже является лексико-семантическая вариативность, то остается не вполне понятным, что именно хотел подчеркнуть автор, выделяя в ней отдельно рубрику «*семантические [варианты]*».

2. Считаем спорным отнесение участников информационного обмена к *каналам* передачи постфольклорных текстов (с. 110), поскольку канал передачи информации является средой (средством) обмена данными и не эквивалентен источнику и приёмнику информации (в случае постфольклорных текстов — их адресантам и адресатам). Диссертант имплицитно признает этот факт в своих дальнейших построениях, выделяя участников информационного обмена как отдельную единицу анализа при обсуждении зон распространения постфольклорного текста далее на с. 110 и на с. 138.

3. В силу объективной сложности и комплексности теоретико-методологической базы рецензируемого научного труда считаем, что было бы уместным в конце каждого параграфа первой главы делать краткие подытоживающие выводы, отражающие ключевые авторские дефиниции и результаты систематизации изученных теорий и концепций, по аналогии с тем, как это сделано далее в тексте диссертации.

4. В п. 1.4 и п. 3.3 диссертант существенное внимание уделяет изучению влияния энтропии на рассеивание смысла постфольклорного текста, однако приходит к выводу о практической нецелесообразности применения исследовательского подхода на основе изучения энтропии в контексте заявленных задач и основной цели исследования (с. 64, 157). Если данный подход

действительно не отвечает цели и задачам поставленного исследования и, как следствие, не является компонентом предложенной автором интегративной концепции интерпретативно-сопоставительного представления процессов рассеивания смысла постфольклорного текста, то не вполне понятно, с какой целью достаточно существенный по объему сегмент диссертации посвящен данному вопросу. С другой точки зрения, очевидно, что вопрос о влиянии энтропии и экстропии на смысловое наполнение постфольклорного текста требует несколько более широкого осмысления в перспективе. Например, анализ энтропии постфольклорных текстов может иметь практическое значение с точки зрения формализации их семантического наполнения для дальнейшей разработки компьютерных языковых моделей, направленных на автоматизированную обработку, классификацию, анализ и генерацию таких текстов с применением технологий искусственного интеллекта.

5. В работе имеется ряд погрешностей технического и стилистического характера. Так, при формулировке задачи 7 диссертации (с. 12) целесообразно было бы сделать акцент не на процессуальной стороне вопроса (*проанализировать специфику*), а на планируемом результате заявленного анализа (*выявить специфику*). В тексте присутствуют отдельные опечатки (например, с. 118 – *моголог*, с. 137 – *заключается в них способности*, с. 144 – *более относиться*, с. 164 – *испытывать ... потребностью в Боге*, с. 171 – *уточнени, что...*, с. 188 – *опосредованно связанны с диахронией*, с. 213 – *музыкальное оформление не всегда подходят*, с. 233 – *уважительного отношение*, с. 264 – *сбор постфольклорный текстов*, с. 290 – *насыщенны аллюзиями*, с. 347 – *коммуникативности*). В содержании название пункта 2.2 приведено не полностью (*Классификация постфольклорных текстов на основе*). На с. 282 приводится текст детской страшилки «Черная перчатка», однако на с. 283 применительно к данному тексту упоминается другое название – «Черная кукла». В отдельных местах имеет место неточный перевод с английского языка или неполное указание этимологии русскоязычного сленга, образованного от слов английского языка: на с. 166 *crush* – не глагол «нравиться», но существительное со значением «человек, в которого кто-либо влюблен» (либо означающее само чувство сильной влюбленности), на с. 167 сленгизм *слоупок* произошел от английского существительного *slowpoke* с идентичным значением, но не просто от прилагательного *slow*.

Сделанные замечания и поставленные вопросы носят сугубо дискуссионный характер и не ставят под сомнение предложенную авторскую концепцию, научную новизну, теоретическую и практическую значимость диссертации, а также валидность и верифицируемость полученных автором результатов. Приведенные критические соображения не влияют на общую положительную оценку рецензируемого научного труда, представляющего собой оригинальное комплексное исследование актуальной проблемы современной лингвистики.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что диссертация «Диахроническая семантика постфольклорного текста» является научно-

квалификационной работой, в которой совокупность полученных автором результатов и выводов можно квалифицировать как научное достижение, отражающее новое знание и представляющее собой значительный вклад в лингвистическую науку. Диссертация в полной мере соответствует паспорту научной специальности и требованиям пп. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, а ее автор, Ильина Лариса Евгеньевна, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Против включения персональных данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук (10.02.19 – Теория языка), доцент,
профессор департамента лингвистики факультета международных
отношений ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

ПОДПИСЬ
УДОСТОВЕРЯЮ

Каменский Михаил Васильевич

«19» августа 2025 г.

Контактная информация:

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, корп. 20, ауд. 207.
Телефон: +7 (8652) 95-68-00 доп. 4262, +7 (961) 442-42-93
E-mail: mkamenskii@ncfu.ru
Сайт организации: <https://www.ncfu.ru>